Нарушители

Автор:
Клэр Макфолл

Нарушители

Клэр Макфолл

Проводник #2

Истинная любовь способна на невозможное, даже бросить вызов сверхъестественным силам и обмануть саму судьбу. После ужасной железнодорожной катастрофы, в которой погибла юная Дилан, проводник между мирами живых и мертвых Тристан доставляет девушку на тот свет. Молодые люди полюбили друг друга и сумели вернуться в реальный мир, где могут находиться, только пока их души связаны. Никто теперь не сможет их разлучить.

Однако, сами того не подозревая, влюбленные разрушили границу между мирами и открыли проход для призраков, преследующих беглецов. Теперь Дилан и Тристану придется бороться за свои жизни и ответить за то, что они совершили.

Клэр Макфолл

Нарушители

Кейт и Джону

Наконец-то…

Пролог

Он просто… просто взял и исчез.

Сидя на влажной траве, покрывавшей склон холма, Сюзанна разглядывала вход в тоннель, где исчез проводник, который представился Тристаном. Она знала, что ей не полагается здесь быть: пора заняться следующей душой. Но ведь он точно пошел не в ту сторону…

В сторону мира живых. Ушел туда вместе со своей подопечной. И исчез.

Объяснение могло быть только одно. Но вот незадача: это было совершенно, совершенно невозможно.

Она уже долго сидела на этом месте (хотя, конечно, в пустоши «долго» – понятие относительное), но ответ напрашивался один. И от этого ответа по ее венам попеременно проносились молнии страха и восторга.

Каким-то неведомым образом Тристан нашел дверь в мир живых.

Каким-то невероятным образом он прошел в нее…

Он был таким же проводником, как и она, и… сбежал.

Новая душа – новая работа – уже ждала Сюзанну, напоминание об этом причиняло боль. Но она не могла заставить себя подняться. Перед ее глазами стоял Тристан – широкоплечий, с копной светлых, чуть рыжеватых волос. Он шел вперед, и на выходе из пустоши его поглотила тьма.

Дилан парила в теплой дымке. Закрыв глаза, лежала на спине. Под ней удобный ортопедический матрас, мягкое одеяло натянуто почти до подбородка. Ей было комфортно, уютно, и она хотела, чтобы все так и оставалось.

Но тут в ее мирок прорвались голоса, и один из них невозможно было игнорировать.

– Молодой человек, а вы, собственно, кто?

Слова Джоан были пронизаны льдом. О, как хорошо Дилан знала этот тон. Сколько раз он звучал в ее адрес! Однако раньше она не замечала, сколько за ним крылось тревоги и страха.

– Я тут с Дилан.

Услышав второй голос, Дилан распахнула глаза. Она ничего не могла с собой поделать. Она пересекла пустошь ради этого бархатистого тембра… ради него она встретилась лицом к лицу с такими смертоносными, внушающими ужас существами, которых и представить не могла в мире живых. Она бы пошла на что угодно…

Однако было кое-что, чего она сделать просто не могла. Ее шею сковывал воротник из жесткого пластика, мешая повернуть голову и воочию убедиться, что Тристан действительно здесь, рядом. Однако она все равно попыталась: край воротника впился ей в ключицу, пока она пыталась изогнуть шею и закатить глаза вверх так далеко, что начало стучать в висках. Увы, Тристана она не увидела.

– Вот как. – Джоан выдержала паузу, которая так и сочилась подозрительностью. Дилан поморщилась. – Что-то я ничего не слышала о вас раньше. Доктор, почему вы впустили его в палату моей дочери? – Она заговорила громче, яростнее. – Моя дочь без сознания. Бог его знает, что он мог сделать с ней.

Дилан чуть не сгорела со стыда. Она попыталась протестующе закричать, но вышло лишь хриплое:

– Ма-ам!

В глаза светила уродливая потолочная лампа, и сквозь этот белый свет Дилан видела изгиб кронштейна со шторкой, какими обычно огораживают кровати в больнице. Она подождала пару секунд, и в поле зрение ворвалось лицо Джоан.

– Дилан! Девочка моя. Ты в порядке?

Лицо Джоан постарело на сотню лет. Глаза покраснели; мешки под нижними веками заляпала тушь для ресниц. Тугой пучок, в который она обычно собирала волосы, развалился, и по сторонам лица висели жалкие прядки. Из-под мешковатой кофты виднелась медсестринская форма – та самая, как внезапно поняла Дилан, которая была на Джоан, когда они попрощались утром. Вернее, поругались. Однако для Дилан минуло уже несколько изнурительных дней пути через пустыню. Глаза ее ни с того ни с сего наполнились слезами, которые быстрыми горячими ручейками заструились по щекам и закапали в волосы.

– Ма… – повторила Дилан. В глазах, носу и горле защипало, и она непроизвольно сморщилась.

– Не волнуйся, солнышко. Я тут, рядом. – Ее левое запястье обхватили пальцы Джоан. Несмотря на пронизывающий холод, Дилан почувствовала облегчение. Она хлюпнула носом и хотела было поднять руку к лицу, чтобы вытереть щеки, но пронзительный укол боли заставил ее остановиться. Она вздрогнула, втянула воздух сквозь сжатые зубы и попыталась поднять голову и обнаружила, что помимо гипсового воротника на шее ей мешает еще и повязка через плечо. У нее кое-как получилось приподняться на пару сантиметров, но и это доставляло сильную боль.

– Лежи спокойно, детка, – заворковала Джоан. – Ты сейчас в больнице. Попала в аварию. Теперь тебе нужно как следует отлежаться. – Она осторожно сжала ладонь Дилан. – Тебе поставили капельницу. Будет лучше, если ты… – сдавленный вздох, – если ты полежишь тихонько, ладно?

Нет, не ладно, подумала Дилан. Она чувствовала себя такой беспомощной, лежа на спине. И ей не было видно Тристана.

– Все хорошо, Дилан. Тебе и правда лучше пока не шевелиться, – мягко заговорил другой голос. Над Дилан склонился доктор. С шеи свисал стетоскоп. Вид у него был такой же усталый, как у Джоан, однако он улыбался. – Придется

тебе немного подождать: мы сначала должны убедиться, что ты не сломала чего-нибудь важного. Вдруг у тебя поврежден позвоночник? Нужно быть очень осторожной.

На Дилан нахлынула волна паники: она внезапно вспомнила про поезд.

– Мои ноги? – прошептала она.

Как мучительно было лежать, погребенной под обломками после аварии… с каждым вздохом, с каждым легким движением по ее ногам разливался огонь. А теперь… ничего. Океан пустоты. Она попыталась подвигать пальцами на ногах, но так и не поняла, шевельнулись они или нет.

– Ноги на месте. – Доктор с той же застывшей улыбкой поднял обе руки в успокоительном жесте.

Интересно, подумала Дилан, а меняется ли у него выражение лица, когда он сообщает кому-то ужасные новости?

Внезапно его улыбка перестала казаться такой уж успокаивающей. Он опустил одну руку на одеяло. Дилан не поняла, дотронулся он до нее или нет; если да, то она этого не почувствовала.

– Я не… Я не чувствую…

– Не беспокойся, Дилан.

Разве можно послушаться такого приказа?

– Волноваться не о чем. Мы дали тебе большую дозу обезболивающего и туго перебинтовали ноги: тебе сильно порезало их при крушении. Поэтому ты ничего и не чувствуешь. Ага?

Дилан секунду смотрела на доктора, пытаясь понять, не врет ли он, а потом решилась сделать вдох.

– Я вернусь через пару минут, когда тебя повезут на рентген, – добавил доктор и с улыбкой отступил от кровати.

– Мам. – Дилан сглотнула и закашлялась. По горлу ее словно прошлись наждачной бумагой.

– Вот, – Джоан поднесла к ее рту пластиковый стакан с трубочкой.

Дилан жадно всасывала воду, пока мать не отодвинула руку – прежде чем жажда была утолена.

– Пока что хватит, дорогая.

– Мам, – чуть громче повторила она и снова попыталась приподнять голову. И снова у нее не получилось. – Где Тристан? – Губы Джоан сжались в узкую полоску. Она слегка повернула голову, словно принюхивалась к какому-то мерзкому запаху, и в груди у Дилан опять скрутилась тугими кольцами холодная паника.

– Мне казалось, я слышала… – Дилан сражалась с кроватью, пытаясь приподняться. – Где…

– Я здесь.

И – о, чудо! – в поле зрения Дилан появилось лицо Тристана. Он склонился над кроватью, стараясь держаться как можно дальше от Джоан, и правильно делал: та бросала на него злобные, полные подозрения взгляды.

Тристан. Душа Дилан наполнилась радостью. Он здесь. У него получилось.

У них обоих получилось.

Тристан потянулся, чтобы коснуться руки Дилан – той, из которой торчала игла капельницы, – однако его остановил резкий возглас Джоан. Но Дилан было необходимо ощутить его прикосновение. Не замечая мерзкой боли, что просыпалась всякий раз, когда она двигала рукой, Дилан переплела свои пальцы с пальцами Тристана. Он крепко сжал ей руку, причиняя боль, но Дилан лишь

улыбнулась.

– Ты здесь, – прошептала она.

Новое воспоминание ударило под дых: те же самые слова она сказала, когда двое медбратьев несли ее на носилках с места аварии. Что за чувство: видеть его рядом, в ее мире, живым и настоящим! А ведь она думала, что потеряла его. Думала, что отпустила его руку – и оставила позади. По лицу снова потекли слезы.

– Вот видишь! Видишь! – Джоан попыталась скинуть руку Тристана, но ей помешали перильца кровати. – Ты ее расстроил! Отпусти ее!

– Нет, мам. – Дилан крепче сжала пальцы Тристана и свободной рукой отмахнулась от Джоан. – Перестань.

– Ты запудрил ей мозги, – прошипела Джоан. – И продолжаешь морочить мою дочь, когда она в таком уязвимом положении и сама не понимает, что делает.

– Мама!

Джоан проигнорировала ее вскрик, прожигая Тристана взглядом.

– Я хочу, чтобы ты исчез, – твердо заявила она и перевела взгляд куда-то в сторону. – Доктор? Пусть этот юноша уйдет. Он не член семьи, у него нет права быть здесь.

– Миссис Маккензи, – начал было доктор, появляясь в поле видимости, но Джоан продолжила говорить, не слушая его слов:

– Ну нет. Правила я знаю: я тут работаю уже восемь лет. Понятия не имею, откуда взялся этот молодой человек, но…

– Не уходи. – Дилан не отводила от Тристана взгляда.

Да и сам он игнорировал ее мать: крепко сжимая ей руку, он вглядывался в лицо Джоан пронзительным взглядом синих глаз, будто пытаясь запомнить ее черты.

Не покидай меня, Тристан. Он пожал ей пальцы, и в руку Дилан ударила молния боли. Он еле заметно мотнул головой.

– Я никуда не уйду, – пообещал он.

Джоан продолжала отчитывать доктора. Но Тристан смотрел Дилан в глаза, и она совсем забыла про мать.

– Поверить не могу, что ты здесь.

– Где же мне еще быть?

Он криво усмехнулся. Между бровей пролегла удивленная морщинка, словно он не понимал, о чем говорит Дилан.

– Ты же знаешь, о чем я.

Стоило Дилан моргнуть, как она начинала бояться, что Тристан исчезнет, что невидимая сила утянет его обратно в пустошь, призовет к обязанностям, которым никогда не будет конца. Неужели у него получилось так легко порвать узы рабства?

– Нам суждено быть вместе, – проговорил Тристан, пододвигаясь еще ближе. – Куда бы ты ни пошла, я буду рядом.

– Хорошо. – Дилан улыбнулась, изо всех сил пытаясь поверить, что так оно и будет.

Она посмотрела на Джоан: та стояла, уперев руки в бока, с перекошенным от гнева лицом.

– Мам?

Никакой реакции.

– Мам!

И снова ничего.

– Джоан!

Вот теперь получилось.

Мать повернулась к ней, как всегда, готовая к бою.

– Дилан…

– Я хочу, чтобы Тристан остался здесь.

Не повторяя ошибку доктора, она не дала матери пойти в наступление.

– Если ему нельзя быть здесь, то и я не останусь.

Джоан отшатнулась, словно ее ударили.

– Дилан, я твоя мать.

– А мне плевать.

Дилан солгала: у нее едва не перехватило дыхание, когда она увидела выражение лица Джоан, но все равно продолжила говорить:

– Мне нужен Тристан.

– Ладно…

Джоан быстро заморгала. Кажется, впервые за всю свою жизнь она не нашлась что ответить. Дилан с ужасом поняла, что мать смаргивает слезы. При ней она ни разу не плакала, ни разу… Внутри словно клубок змей извивался. Дилан изо всех сил старалась не поддаться сожалениям.

В этот момент в палату зашли двое из персонала. Они не обратили никакого внимания на напряженную сцену.

– Кто тут на рентген?

Доктор пару секунд молчал, словно вспоминая, где он и что происходит.

– Ах да. – Вид у него был самый благодарный: он явно был рад, что пришло избавление. – Вот, Дилан. – Он махнул в сторону кровати.

Медсестры подошли ближе, сняли больничную койку с тормозов и вывезли в коридор вместе с капельницей.

Дилан испытывала странную смесь облегчения и тревоги. Тревога преобладала. Они остались вдвоем в палате… Тристан с Джоан. Что наговорит Тристану мать в ее отсутствие? Вдруг Тристана выгонят из больницы? А если арестуют?..

Одна из медсестер, заметив беспокойство на лице девушки, постаралась ее успокоить:

– Тут недалеко, потерпи немного. Кабинет за углом.

Однако этого было недостаточно. Чем больше отдалялась она от Тристана, тем хуже и болезненнее себя чувствовала. А что, если бы его не было рядом, когда она очнулась в поезде?!

Нет. Он бы ее не оставил. Он обещал.

Лаборант в кабинете говорил кратко и по делу, а рентгенолог так и вообще не стал с ней разговаривать. Боль в ногах не просто вернулась, а стала разрывающей. Дилан не могла дождаться, когда ее привезут в палату и дадут еще обезболивающих. Но, как ни странно, на обратном пути ей стало лучше: когда кровать завезли, ни ноги, ни живот больше не болели.

Джоан металась по палате, как тигр в клетке. К облегчению Дилан, Тристан тоже был здесь: до странного бледный, он сидел, ссутулясь, на металлическом стуле. Когда Дилан встретилась с ним взглядом, его взгляд был полон

напряжения и тревоги.

По крайней мере, у матери не получилось вышвырнуть его из больницы…

– Все хорошо? Что сказал доктор? – Джоан подбежала к кровати и склонилась над Дилан, не успел Тристан подняться со стула.

– Я не говорила с доктором, – ответила Дилан. – Только с лаборантом, и он мне ничего не сказал.

– Ну конечно. – Мать тряхнула головой, словно удивляясь собственной глупости. Это же ее больница, подумала Дилан. Наверняка она знает, как тут ведутся дела. – Может, я… – Джоан изогнула шею, устремив глаза за дверь. Дилан могла поклясться, что мать собиралась пойти к рентгенологу и теребить его до тех пор, пока он не согласится рассмотреть снимок Дилан вне очереди. Но та вдруг перевела подозрительный взгляд на Тристана. – Впрочем, мы подождем, да? Скоро нам и так все расскажут.

Дилан попыталась скрыть разочарование. Конечно же, ей хотелось узнать, что у нее с ногами, но еще больше она хотела, чтобы Джоан вышла из палаты. Тогда можно будет поговорить с Тристаном наедине. Она все еще не могла поверить, что видит его здесь, в больничной палате… что он не шагает уверенно по лугам и горам пустоши.

Новостей ждали молча. Джоан снова предложила Дилан воды, взбила ей подушки и принялась было распутывать колтуны в волосах дочери, пока Дилан не рыкнула на мать, чтобы та оставила ее в покое. Прошла целая вечность, пока наконец не появился врач. Тот же, что и в прошлый раз; только теперь вид у него был довольно потрепанный и усталый.

– Ну что, доктор Хаммонд? Какие новости? – Джоан перешла сразу к делу.

Доктор сморщился, но сразу же натянул обратно маску обнадеживающего профессионализма.

– Я поговорил с рентгенологом. Как мы и думали, перелом правой ноги.

– Не осложненный? – уточнила Джоан.

Наступила неприятная пауза. Дилан ощутила, как во внутренности вцепились когти страха. Видимо, ответ был отрицательным.

– Переломов довольно много, сестра Маккензи. Придется вставить штифт, пока не заживет.

– Операция… – прошептала Джоан, бледнея.

– Мам? – испуганно всхлипнула Дилан.

– Все в порядке, девочка моя. – Джоан во мгновение ока снова оказалась у ее кровати, напряженно улыбнулась. – Совсем небольшая операция, ничего страшного.

– Вполне стандартная процедура, – подтвердил доктор. – Переживать не о чем. Хотя есть некоторые сложности…

– Что такое? – поторопила его с ответом Джоан.

– В левой ноге кость слегка треснула. Гипс не понадобится, но наступать на ногу пока не стоит.

– Обе ноги! Я не смогу ходить… – содрогнулась Дилан.

– Все будет хорошо. – Джоан сжала ее плечо. – Я о тебе позабочусь.

– Тристан, – сказала Дилан. Краем глаза она увидела, что он встал, но продолжала смотреть на Джоан. – Тристан тоже будет мне помогать. Он останется у нас.

– Нет! – отрезала Джоан.

Доктор кашлянул, явно собираясь уходить.

– Я еще загляну ненадолго, скажу, на какой день мы сможем назначить операцию.

Едва он выскользнул за дверь, Джоан пошла в наступление:

– И не надейся, я не пущу его в наш дом. Он… – Дилан сощурилась, и Джоан, явно борясь с собой, заговорила тише: – Он нам не нужен, – с нарочитым спокойствием закончила она.

Тристан подошел к кровати и остановился на противоположном конце.

– Я бы хотел помочь, – ровным тоном сообщил он. Однако его состояние и спокойный голос ему не помогли: его выдали белые костяшки пальцев на перилах кровати. Дилан протянула руку и накрыла его кулак ладонью.

– Нет, – повторила Джоан. – Мы отлично справимся вдвоем. Я возьму несколько отгулов, и…

– Миссис Маккензи, выздоровление займет несколько недель, – негромко возразил Тристан. – А может, и месяцев.

Потянулись напряженные секунды. Джоан стояла, стиснув зубы, а Дилан едва удерживалась от торжествующей улыбки. Быть не может, чтобы Джоан дали столько выходных сразу. И даже если руководство больницы согласится, позволить себе такой длительный неоплачиваемый отпуск Джоан не могла.

– Мы ведь живем на втором этаже, мам. Вряд ли ты сможешь таскать меня вверх-вниз по ступенькам!

Дилан крепче сжала руку Тристана, предчувствуя неизбежное.

Затянулось гневное молчание. Наконец Джоан повернулась к Тристану и прошипела:

– Спать будешь на диване. Понял?

2

Мужчина плакал. Сюзанна наблюдала за тем, как кривится его лицо, как пальцы мнут носовой платок, который он таскал с собой, словно талисман. Как его звали в том мире? Ах да, Майкл. Его звали Майкл. Майкл плакал.

Сюзанна смотрела на него в упор, надеясь, что на ее лице не слишком явно читается безразличие. Майкл мог рыдать и умолять сколько душе угодно. Он мог выть и причитать. Мог броситься на пол и начать молотить руками и ногами по истоптанному уродливому ковру. Это ничего не изменит: он умер, и дело с концом.

Она не понимала, чему тут удивляться. Мужчина уже давно болел, и когда она пришла за ним в больницу, он все понял. Не нужно было прибегать к уловкам и плести небылицы. Она не посчитала нужным изменить свою внешность, чтобы убедить его, – оставила свой привычный вид. Предстала перед ним с тем лицом, которое ей дали, когда она была назначена проводником; когда получила возможность видеть, думать, чувствовать. Лицо юной женщины, какой она и хотела бы быть, если бы и правда могла быть юной женщиной. Высокая, изящная, темноволосая, темноглазая… Она казалась лет на десять младше Майкла, но он ничего по этому поводу не сказал.

Когда они отправились в путь, Майкл долго молчал. Но затем его словно прорвало: он не готов. Ему нужно больше времени. Он не сделал того, что хотел. Ну что ж, бывает. Времени на подготовку у него и так было больше, чем у многих. Сюзанна знала о его жизни достаточно, чтобы понимать: он совсем не ценил ее, пока не заболел. Если он не сумел распорядиться временем с толком, это его проблемы.

И все же тот первый день оказался на редкость утомительным. Майкл жил в небольшой канадской деревушке, страшная глушь, и болезнь одолела его посреди зимы. Когда они вышли за порог больницы, выл ветер, на земле плотным слоем лежал снег. Вскоре отголоски мира живых затихли, и они вдвоем побрели по мягким склонам холмов, которые под шапками снега казались высокими горами. Хотя до первого убежища было рукой подать, едва успели добраться до темноты. Топ, топ, топ. Каждым шагом они словно бросали вызов тем, кто должен был помешать переходу Майкла за черту. Сама Сюзанна холода

не чувствовала, но бесконечное нытье подопечного мешало мыслям о важном. О Тристане.

Она сразу узнала его, как только заметила, что проводник с душой решительно шагают не в ту сторону. Хотя узнать его было несложно: Сюзанна чувствовала особое биение энергии, которое было свойственно ему одному. И вдобавок к этому она уже видела это лицо. Часто видела. Ярко-синие глаза, острые скулы. Упрямые очертания челюсти. Такое волевое лицо. Решительное.

Тристан – имя ей тоже приходилось слышать – ушел в тоннель на окраине пустоши, по которой странствовала вверенная ему душа, и с тех пор пропал.

Он действительно ушел. Ушел в мир живых.

Весь день Сюзанна пыталась примириться с реальностью. Она знала, что это правда, знала всей глубиной своего существа. Но разве это возможно? Разве проводники так могут?

Нет, такого просто не может быть. Даже когда проводники забирали души оттуда, где те умирали, проход в страну живых им был закрыт. Они не могли касаться предметов; были невидимы для тех, кто еще не умер. Это души, умирая, переходили в мир проводников: незаметно, стремительно. Быстрее, чем сердце успевало сделать удар, – если бы их сердца еще бились. Как же ему это удалось? Сюзанна снова и снова задавала себе этот вопрос, разжигая жалкий огонек в хижине, которая была их первым убежищем.

Разумеется, если кто-то из проводников мог придумать, как такое провернуть, то только Тристан. Это ее как раз не удивляло. Что-то в нем было… особенное, что отличало его от других. Он был предназначен для чего-то более важного, чем уготованное им… полусуществование, ни здесь, ни там.

Теперь, когда он ушел, Сюзанна почувствовала это еще острее. Почувствовала его отсутствие. Будто исчез маленький кусочек ее души. Глупости, конечно: никакой души у нее нет. Но она скучала по Тристану, по его присутствию: в пустоши он всегда был где-то рядом. Его близость успокаивала, придавала сил.

Как же у него получилось?

И… сможет ли она пойти за ним?

– Завтра нам придется идти быстрее, – сообщила она Майклу, прерывая бесконечный поток жалоб и бормотания. – В темноте водятся всякие твари, и, поверь мне, с ними ты встретиться точно не захочешь.

За стенами хижины, где им предстояло провести ночь, сквозь порывы ветра прорывались негромкие всхлипы и рыдания. Призраки. Они стягивались к убежищу, почуяв слабость и трусость Майкла.

3

Тристан стоял у дома, сжимая рукоятки инвалидного кресла. Джоан возилась с замком. Связка ключей громко звенела. Идеально прямая спина выдавала, что она все еще в ярости.

Нужно быть осторожным. Пока что Джоан готова принять его помощь.

Но она ему не рада.

Больничный коридор – не самое удачное место для первых впечатлений. Время тоже было неподходящее. Тристан не успел придумать, откуда он так внезапно возник, и его застали врасплох. Вот-вот засыплют неудобными вопросами, а пока…

Джоан открыла дверь, и он втолкнул коляску Дилан в темный тамбур. Впереди круто вздымалась лестница: им придется преодолеть два лестничных пролета.

– Подними ее на руки – только осторожно. А я понесу кресло.

Чувствуя на себе неотступный взгляд Джоан, Тристан склонился над девушкой.

– Обхвати меня за шею, – тихо сказал он.

Одной рукой обняв ее за плечи, другую он подложил ей под коленки и медленно приподнял ее и, распределив вес по плечам и спине, выпрямился.

– Не урони меня! – взвизгнула Дилан.

– Не уроню, – пообещал он.

Нет, не уронил конечно, но далось ему это с трудом. То ли гравитация в реальном мире действовала иначе, то ли он стал другим. В пустоши ему на все хватало сил – мог и с призраками побороться, и перетащить душу через трудные участки. А души были отнюдь не бесплотными.

Зато теперь… теперь он словно превратился в шестнадцатилетнего мальчишку – и сил у него было, как у шестнадцатилетнего. Лишь самолюбие и страх за Дилан мешали остановиться и передохнуть. Джоан дышала ему в спину, волоча вверх кресло. Прежде чем открыть дверь в квартиру, она помогла ему посадить девушку обратно в кресло.

Тристан уже видел квартиру Дилан в ее воспоминаниях, однако было странно войти внутрь, вдохнуть слабый аромат Дилан вперемешку с густым запахом влаги, что заполнял гостиную. Он протянул руку и провел пальцем по узору рельефных обоев. Кончики пальцев покалывало. Стена была совершенно такая же, как тысячи других, к которым он прикасался, и все же она отличалась от всех. Она была настоящая. Кто-то – видимо, довольно давно – любовно оклеил прихожую этими обоями. Выбрал из множества вариантов… Тристан отдернул руку и закашлялся: от чувств у него стало тесно в груди.

– Все хорошо? – негромко спросила Дилан, когда Джоан, переобувшись, исчезла в гостиной, оставив их ненадолго наедине.

– Да, не переживай за меня.

Ему и правда было хорошо. Очень. Он был жив. Настоящая кровь струилась у него по венам, сердце стучалось в груди. Ему хотелось смеяться, петь, кричать. Ему хотелось схватить Дилан и закружить по комнате. Вместо этого он медленно и осторожно ввез ее комнату, где их ждала Джоан.

– Мне нужно сбегать в магазин, – объявила она. – Я скоро вернусь.

Подозрительно прищурившись, перевела взгляд с Тристана на Дилан и обратно.

– В комнату Дилан тебе нельзя, когда меня нет дома. Никаких исключений.

Тристан вгляделся в ее решительное лицо; заметил, как сжаты челюсти.

– Договорились.

Он вовсе не собирался следовать этому глупому правилу, но если его ответ удовлетворит Джоан и она позволит им остаться наедине, то почему бы не согласиться.

Похоже, Джоан показалось странным, что он так легко согласился, однако она заспешила к двери. Замедлилась лишь, чтобы нежно потрепать Дилан по плечу. Дилан не обратила на нее внимания. Не заметила, сколько же облегчения и беспокойства было в этом простом жесте. Дилан этого не заметила, а Тристан заметил. Она рассказывала ему, что отношения у них с мамой были напряженные, но сейчас он кожей ощутил, как Джоан любит дочь. Как они любят друг друга.

Прошла секунда – и Джоан исчезла.

Наконец они остались вдвоем.

Не в силах противостоять порыву, Тристан перегнулся через спинку кресла и сгреб девушку в объятия. Уткнувшись лицом в ямку на ее шее, глубоко вдохнул ее запах. Ощутил теплоту и трепет ее кожи.

– Тристан, – прошептала Дилан.

Она протянула руки, чтобы притянуть его ближе. Он стоял в ужасно неудобной позе: кресло впивалось ему в живот, колено упиралось в заднее колесо, но Тристан не мог пошевелиться. Это было чистое блаженство. Это был рай. Ему казалось, что пошевели он хоть одним мускулом – и все это исчезнет, выскользнет из его рук. Стоит ему моргнуть – и он снова окажется в пустоши.

Один.

Охваченный чувствами, Тристан не заметил, как подрагивают плечи Дилан. Лишь расслышав тихий всхлип, он понял, что девушка плачет.

– Дилан? Я сделал тебе больно?

Он в ужасе разомкнул объятия.

Метнулся вперед и встал перед креслом на колени, заглядывая Дилан в лицо. Да, так и есть: по щекам скатывались слезы.

– Прости меня, ангел. Я не хотел…

Девушка так яростно тряхнула головой, что слова застряли у него в горле.

– Не в этом дело, – напряженным, срывающимся голосом проговорила она. – Просто… просто я не могу поверить. Ты здесь. Правда здесь! – Она засмеялась, всхлипывая. – Стоишь тут в нашей отстойной гостиной.

– Ну, не то чтобы стою… – Тристан робко улыбнулся, заправляя выбившуюся прядку Дилан за ухо.

– Ой, да ну тебя. – Она шутливо отпихнула его, а потом наклонилась вперед и уткнулась лбом ему в грудь.

Ближе друг к другу им было не пододвинуться: мешала нога в гипсе, неловко торчавшая вперед. Тристан встал и бережно погладил Дилан по спине, стараясь не дотрагиваться до повязок.

Она была вся в ушибах и синяках. У него чуть не разорвалось сердце, когда ее выносили из тоннеля на носилках. И вот он стоит, целый и невредимый, а Дилан страдает от ран, которые могли бы ее убить. Которые ее убили. Но ради него она сделала невозможное.

– Я люблю тебя, – прошептал он ей в волосы.

Дилан издала невнятный звук и подняла голову, чтобы заглянуть ему в глаза.

– Я тоже тебя люблю. – Она улыбнулась, глаза у нее заблестели. – А ведь я говорила!

– Что говорила? – Тристан непонимающе моргнул.

Обещаю, что не буду повторять это снова. – Дилан рассмеялась: – Я же говорила, что план сработает!

– Ах да. И правда говорила. – Губы Тристана изогнулись в покаянной улыбке. – Отлично, что ты не ошиблась. – Он улыбнулся шире. – Тем более что, кроме тебя, никто все равно не узнает.

Он огляделся и заметил на продавленный диван, заваленный подушками.

– Давай-ка достанем тебя из этого кресла.

– Ладно. – Дилан положила руки на подлокотники, готовясь подняться, но Тристан остановил ее, положив ладони на плечи.

– Я справлюсь, – сообщил он.

– Знаю, – кивнула она.

Снова жалея о слабости своего нового бренного тела и напрягая все мускулы, он осторожно перенес ее на диван и уже собрался выпрямиться, но Дилан схватила его за руку и потянула вниз, предлагая сесть рядом.

Тристан не противился: больше всего на свете ему хотелось быть рядом с ней. Чем ближе, тем лучше.

– Как ты себя чувствуешь? – тихо спросила девушка.

– Как я себя чувствую? – Он повернул голову и одарил ее недоуменным взглядом. – Вообще-то не я попал в страшную аварию!

– Знаю, знаю. – Дилан отмахнулась, словно не желая обсуждать такие пустяки. – Я имею в виду, как тебе здесь? Что-то поменялось? Ты… может, ты чувствуешь себя… более плотным, что ли?

Она крепче вцепилась ему в руку, словно подумала, что он может испариться в любую секунду. В ответ он пожал ей пальцы.

– Да, – согласился Тристан. – И еще… – Он нахмурился, задумавшись. Виски сжимало, словно в тисках; глаза налились тяжестью; желудок подводило. – Мне кажется, я устал. И еще вот… живот… Похоже, я голоден. – Внутренности снова свело судорогой. – Да, очень голоден. Ужасное ощущение.

– Если хочешь поесть нормально, придется дождаться мамы. Но в кухне наверняка есть печеньки или что-то в этом духе.

Следуя указаниям Дилан, он добрался до жестяной коробки над микроволновкой, где Джоан хранила песочное печенье. Набрал в горсть, сколько мог унести, вернулся в гостиную и протянул Дилан.

– Шоколадное диетическое, – сморщила она нос. – На вкус так себе, но пока что сойдет.

Запихнула печенье в рот, быстро прожевала и проглотила. Тристан пристально наблюдал за ней, а когда она закончила, опустил взгляд. Шоколадная глазурь подтаивала на ладони.

Дилан окинула его заинтригованным взглядом.

– Слушай, а ты в больнице не пробовал есть?

Он медленно покачал головой, продолжая смотреть на печенье.

– Твоя мама предлагала, но я… Я слишком переживал за тебя, чтобы думать о еде. Я попил воды, но…

– Ты не знаешь, как это делать?

Тристан поднял глаза. Вид у нее серьезный. Не похоже, что издевается.

– Я знаю как. Но…

– Но для тебя это важный момент, – закончила за него Дилан. Левый уголок губ у нее приподнялся. – Прости, что в качестве первой трапезы тебе достались печеньки.

– Отличные печеньки. И вообще, я слышал много хорошего о шоколаде…

Не желая медлить дольше – тогда бы ему пришлось признать, что он немного трусит, – Тристан поднес печенье ко рту и откусил.

Оно раскрошилось у него на губах. Когда он начал жевать, сладость взорвалась у него на языке. Рот залила слюна. Она смешалась с размолотой едой, и Тристан почувствовал, что хочет сглотнуть. Он застыл, ожидая, что у него в горле появится неприятный комок постороннего вещества, но ничего не случилось. Появилось желание откусить еще. Не успел он опомниться, как уже слизывал с пальцев следы шоколада.

– Ну как?

Дилан внимательно наблюдала за ним.

– Думаю, мне нравится шоколад.

Она запрокинула голову и звонко рассмеялась.

– Надо было начать с чего-то более пресного. Теперь тебя ждут сплошные разочарования.

Она склонила голову набок, между бровей пролегла крошечная морщинка.

– Думаю, пицца тебе тоже понравится. И чипсы. Чипсы ужасно вкусные.

Они посидели в тишине. Дилан снова взяла Тристана за руку.

– Ты рад? Ну, что ты здесь? – Помолчала немного. – Как думаешь, мы правильно поступили?

– Ты серьезно? – Тристан подождал, пока девушка встретится с ним взглядом. Она нерешительно кивнула.

– Это лучшее место в мире, Дилан. Клянусь.

Она ответила ему радостной улыбкой: так она реагировала на его слова всегда, когда не следила за собой.

Прошла минута, и Дилан заговорила снова:

– Что ты сказал маме? Про нас. Когда меня отвезли на рентген.

– Что я твой бойфренд. Она спросила, почему никогда не слышала обо мне, и я ответил, что ты была не готова ей рассказать. Не могу сказать, что она была в восторге.

– Так просто она от нас не отстанет. Будет давить и давить, пока мы не расскажем ей все в подробностях. Понятия не имею, что ей говорить. Правду?! Ты можешь это представить?

– Ш-ш-ш, – попытался успокоить ее Тристан. Он заметил, что Дилан расстроилась. – Мы не можем рассказать ей правду, ангел. Ты сама это знаешь. Мы что-нибудь придумаем. Все будет хорошо.

– Обещаешь?

– Обещаю. – Тристан притянул ее к себе и уткнулся лбом в макушку. – Мы подумаем об этом позже. А пока я просто хочу посидеть вот так с тобой.

– И все? – еле слышно выдохнула Дилан. Она развернулась и подняла лицо, Тристан уже склонился ниже, но заметил гримаску боли на ее лице.

– Что-то не так? – Он отодвинулся, окидывая ее взволнованным взглядом.

– Ничего, – помотала головой девушка, хотя лицо ее побелело как мел. – Все хорошо.

– Ничего не хорошо. Послушай, у тебя такие травмы… тебе надо отдохнуть.

Встав с дивана, он разложил подушки и ласково подтолкнул Дилан прилечь.

– Ложись, отдыхай.

– Но я не хочу отдыхать, – надулась Дилан. – Я хочу, чтобы ты меня поцеловал.

– А я и поцелую, когда ты будешь лучше себя чувствовать.

– Когда это еще будет!

Он рассмеялся.

– Ничего, я подожду. Теперь у нас полно времени.

Недовольное ворчание Дилан и разочарованное выражение ее лица почти заставили Тристана сдаться, но в этот момент в квартиру ворвалась Джоан. Через секунду она уже стояла в дверях гостиной, запыхавшись, словно бежала марафон. Сощурившись, она оглядела две фигуры на диване.

– Эй, ты! – рявкнула она Тристану. – Помоги мне с покупками.

– Сейчас не время… нет, это говорит твой эгоизм… ты вообще представляешь, через что она прошла? Не смей тут появляться! Ты не можешь вот так взять и… Мне наплевать, что она тебе уже звонила, теперь все иначе. Она еще слишком мала, чтобы принимать такие решения. Ей всего пятнадцать!

Дилан застыла в своем кресле у двери в спальню Джоан, прислушиваясь к тихому шипению матери. Легко догадаться, с кем она говорила. С Джеймсом Миллером, ее отцом. Тот самый мужчина, на встречу с ним она ехала в Абердин, с поездом что-то случилось, ее жизнь прервалась… а потом началась снова. Она

помнила чувство, с которым садилась в поезд: радостное волнение, бурлящее в крови. Какой он? Что они будут делать вместе? Разглядит ли она в нем свои черты?

В тот день ответов она так и не получила, вместо этого судьба приготовила ей совсем другое приключение: то самое, которое привело ее к Тристану. Так что она ни о чем не жалела, ни капельки. Но теперь, проведя дома несколько дней после больницы, она чувствовала… потерю? Будто лишилась чего-то, так и не доехав до отца. Она прошла такой долгий путь, чтобы увидеться с ним! Ей пришлось так усердно трудиться, чтобы разрушить барьеры, которые возвела Джоан. Ну нет, теперь она должна закончить начатое.

Охваченная внезапной решимостью, Дилан вкатила кресло в спальню матери, пнув дверь загипсованной ногой.

– Дилан! – Сидевшая на кровати Джоан вздрогнула, очнувшись от размышлений; телефон лежал рядом с ней.

– Кто это был?

– Что? – ошеломленно спросила Джоан.

– С кем ты говорила по телефону?

Мать прижала трубку к груди.

– А, да так, звонили с работы.

– Ты врешь! – Схватившись за косяк, Дилан протащила кресло глубже в спальню и выругалась, ссадив костяшки левой руки о древесину.

– Простите, юная леди? – Джоан возмущенно поднялась. – Ты забыла, с кем разговариваешь! – Она перевела взгляд за плечо дочери. – А где Тристан?

Вообще-то она как могла избегала называть его по имени – так же как старалась не смотреть на него и не разговаривать с ним. Но сейчас соизволила выплюнуть его имя.

– Он в гостиной, смотрит телик.

– Он должен тебе помогать! Именно для этого я пустила его под свою крышу.

В эти первые дни Джоан то и дело напоминала об этом: он живет под моей крышей, я кормлю его. И – что почему-то бесило Дилан больше всего – я покупаю ему одежду. Обычно ее язвительные замечания вызывали перепалку, но в этот раз Дилан решила не идти у матери на поводу.

– Ты ведь говорила с папой, так?

– Дилан…

– Скажи мне. Это ведь был он!

Загнанная в угол, Джоан начала обороняться.

– А если так, что с того?

– Что он сказал? Зачем звонил? – Дилан в надежде склонилась вперед. – Он все еще хочет, чтобы я приехала его навестить?

– Будто ты в состоянии куда-то поехать!

Джоан хотела выйти, но кресло мешало. Она уперла руки в бока и уставилась на дочь, ожидая, что та подвинется, но Дилан привыкла, что они вечно ругаются, и ее было не запугать сердитым выражением лица.

– В состоянии, если Тристан поедет со мной.

– Вот уж нет! – фыркнула Джоан. – Вы с этим мальчишкой никуда вместе не поедете.

С этим мальчишкой. Она вечно называла так Тристана.

– Ну что ж, тогда папа может приехать к нам.

В глазах Джоан зажегся непонятный огонек.

Дилан тут же смекнула:

– Дело ведь в этом, да? Он хочет приехать.

– Дилан, послушай…

Но Дилан знала, что права.

– Когда он приедет?

– Пока что мы ни о чем не договорились, солнышко. – Голос Джоан утратил резкость и звучал почти умоляюще. – Такие вопросы за день не решаются.

– Еще как решаются! Он живет в Абердине, а не на Северном полюсе. – Дилан пригвоздила мать осуждающим взглядом. – Ты сказала ему, чтобы он не приезжал!

– Да.

По крайней мере, Джоан не стала ничего отрицать.

– Ты пережила ужасную травму, дочь. Тебе… тебе нужно время оправиться. Мы еще поговорим о твоем отце, обещаю. Но позже.

Несколько злых секунд она размышляла над словами матери. Сердце у нее быстро колотилось.

– Нет.

– Дилан…

Она не знала, как связаться с отцом: его номер был у нее в телефоне, а телефон она потеряла в поезде. Она выдержала взгляд Джоан, чтобы та не подумала, что она блефует. Секунды замедлили бег. Одна, две, три, четыре…

– Ладно, – процедила Джоан сквозь зубы, и сердце сразу взмыло к небесам. – Ладно, я ему позвоню. Но наедине ты с ним не увидишься. Я буду с тобой, и это не обсуждается.

– Хорошо.

Это и правда было хорошо. Дилан радовалась возможной встрече с отцом, и ей не терпелось с ним увидеться, но к радости примешивалась изрядная доля волнения. Повозившись с креслом, она отодвинулась в сторону, чтобы мать могла пройти. Джоан прошла мимо коляски, пытаясь сохранить остатки достоинства.

– Мам, – позвала ее Дилан.

Мать наклонила голову, но не обернулась.

– Спасибо.

Вздох. На сей раз мама повернулась. В ее глазах стояли слезы.

– Не за что, солнышко.

4

– Ты точно готова?

Тристан остановился напротив школьных ворот. Они загораживали проход, и орда школьников устремилась с тротуара на проезжую часть, чтобы обойти их с Дилан.

Дилан не ответила на его вопрос. Он подбадривающе сжал ее плечо.

– Ненавижу эту штуку, – пробормотала девушка, хлопнув ладонями по массивным колесам кресла. – Все на меня смотрят.

Все и правда смотрели, не таясь, изгибали шеи, чтобы разглядеть инвалида в кресле. Дилан отвечала хмурой гримасой на любопытные взгляды, пытаясь не обращать внимания на биение пульса и мерзкие тиски, сдавливающие грудь.

Джоан удивило, что дочь так быстро захотела в школу. Но на самом деле Дилан просто устала от матери: устала от ее суетливой заботы, от подозрительных взглядов, которые та бросала на Тристана, от того, как стремительно Джоан оказывалась в коридоре, стоило Тристану подойти к комнате Дилан. Она что, правда думает, что они станут предаваться страстной любви, пока правая нога Дилан до бедра закована в гипс, а левая – да и нижняя часть спины – вся в повязках и бинтах? Дилан необходимо было выбраться из дома. Куда угодно, да хоть в школу. По крайней мере, так она думала, пока не увидела уродливую бетонную махину гимназии. Ей вмиг вспомнились все причины, почему она ненавидела школу… во-первых, из-за непроходимых идиотов, которые готовы шею свернуть, лишь бы поглазеть на ее сломанную ногу. Правда, справедливости ради, глазели не только на нее.

– А ты готов? – спросила она.

Сегодня был первый учебный день Тристана. Самый первый в жизни. Записать его в школу оказалось непросто: у него не было ни документов, ни имени, ни семьи, ничего. Для госсистемы он был призраком. Конечно, убедить Джоан в его реальности было еще сложнее, чем школу. Она была настоящей королевой допросов. Однако когда они убедили ее, что Тристан – Тристан Фрейзер – сбежал из неблагополучной семьи откуда-то с окраин Глазго, и говорить он об этом не хочет. В результате Джоан не только ослабила хватку, но даже стала относиться к нему с жалостью… ну, что-то вроде этого. Она согласилась, что от школы вреда не будет, сходила к директору и что-то там наплела. Дилан поверить не могла, что ее мать пошла на такое, но Джоан, вероятно, сочла, что так Тристану будет сложнее связаться с дурной компанией. И не только ему, ведь они с Дилан были неразлучны. С тех пор как Дилан очнулась на больничной койке, они не расставались больше чем на час.

Разумеется, Джоан этого не знала: она-то по-прежнему считала, что Тристан спит на диване в гостиной, вот так.

– Все хорошо, – ответил Тристан.

Дилан задрала голову, чтобы посмотреть на него, и убедилась, что лицо его было таким же безэмоциональным, как и голос. Он невозмутимо отвечал на любопытные взгляды. Такой же невозмутимый, как и в пустоши – и это при том, что парень покинул привычную среду и здесь для него все в диковинку, о чем по его виду не скажешь. Дилан вспомнила, как очутилась в его мире, какой была беспомощной и плаксивой, – и по шее побежали мурашки стыда.

С другой стороны, здесь не было никаких призраков. Самая большая опасность, что его поджидала, – он мог заразиться тупостью от других учеников. Как раз одна инфицированная направлялась прямо к ним.

– Боже мой, Дилан! Я слышала, что с тобой случилось, просто ужас какой!

Шерил Макнелли с ее классическим оранжевым загаром, в до смешного короткой юбке и сапогах на каблуке шагала прямо им навстречу.

– Нет, вы только посмотрите!

Последнюю фразу Шерил провизжала, будто стараясь, чтобы их заметили те, кто еще не пялился во все глаза.

– Привет, – кисло улыбнулась Дилан сквозь стиснутые зубы.

Она хорошо понимала, чего добивается эта крашеная блондинка. Шерил никогда не делала тайны из того, что не любит Дилан, и устраивала ей жестокие розыгрыши. Как, например, в тот раз, когда толкнула ее в кафетерии, и Дилан, опрокинув на себя тарелку со спагетти-болоньезе, стала похожа на жертву маньяка-убийцы. Но это чертово инвалидное кресло… К гадалке не ходи, на несколько дней все внимание школы будет приковано к Дилан – и Шерил хотела погреться в лучах ее славы. К тому же…

– Это твой двоюродный брат? – Шерил ловко обошла коляску и встала напротив Тристана, сияя фальшивой улыбкой.

Дилан еле сдержалась, чтобы не развернуть кресло и не вытолкать нахалку на проезжую часть. Ей бы очень этого хотелось, и тогда Шерил точно окажется в центре внимания.

К несчастью, Дилан еще не научилась быстро разворачиваться на коляске. Но самое ужасное, что ей пришлось утвердительно ответить на вопрос Шерил.

– Да. – Это Тристан. – Слово «брат» оставило неприятный привкус у нее во рту.

Она всего лишь озвучила часть легенды, которую они сочинили с матерью: нужно было выдать Тристана за родственника, чтобы Джоан могла оформить над ним опекунство и отправить в школу. Вообще-то Дилан подозревала, что мать была только рада внезапно созревшей версии: это означало, что они не могли вести себя как влюбленная пара.

Ей пришлось сидеть в этом дурацком кресле и наблюдать, как Шерил погладила Тристана по руке и промурлыкала:

– Добро пожаловать в Кейтшэлл.

Ну и сучка.

– Спасибо, – холодно отозвался Тристан, кивнул и отступил в сторону, подальше от прикосновений Шерил.

У Дилан отлегло от сердца, но Шерил, как обычно, не поняла намека. Она сделала шаг к Тристану на своих невероятных каблучищах и ткнула его в плечо.

– Если хочешь, проведу тебе экскурсию. – Она одарила Дилан жалостливым взглядом. – А то твоя сестричка в своем кресле далеко не уедет.

– Ничего, я попробую, – выдавила Дилан.

– Лучше тебе не напрягаться, с твоими-то травмами. – Забота на лице Шерил была такой же искусственной, как и морковный загар.

– А я и не напрягаюсь, – едко заметила Дилан. – Я напрягаю Тристана.

Шерил моргнула, пытаясь понять, что она имеет в виду. За ее спиной раздался смех Тристана.

– У развязки есть светофор, – обратилась к нему Дилан, указывая на перекресток метрах в ста от них. – Легче будет перейти дорогу там. Пока, Шерил.

Тристан, не в пример Шерил, намеки понимал сразу.

Через несколько секунд им вслед раздалось переливчатое:

– Пока, Тристан!

– Нажми на кнопку, – напомнила Дилан Тристану, когда тот остановился у светофора и уставился на проезжающие мимо машины.

Так забавно: он знал кучу всего о мире, но всякие мелочи – вроде того, как называется зеленый человечек у пешеходного пешехода, – ставили его в тупик. Крошечные упущения выдавали его с головой, делали его особенным. Странным. Дилан, как могла, затыкала эти бреши.

– Она твоя подруга? – спросил Тристан, пока они ждали.

– Я уже говорила, – Дилан неуютно поежилась в кресле, – у меня тут нет друзей.

– А вот и неправда. – Он положил руку ей на плечо. – У тебя есть я.

Дилан не ответила. У нее сжало горло, а ей не хотелось, чтобы Тристан услышал, как дрожит ее голос.

По дороге им попалось немало ротозеев, но больше никакие «доброжелатели» их не задергивали. Они остановились в администрации. Тристан забрал свое

расписание – такое же, как у Дилан. Следующий пункт программы – поздороваться с директором. Дилан пришлось остаться в коридоре. Она припарковала коляску в углу и все время, пока Тристана не было, сидела как на иголках. Дилан показалось, что прошла целая вечность, пока Тристан не вышел из кабинета. Лицо его, как обычно, было непроницаемым; однако у директора, проводившего его, вид был крайне задумчивый. Он посмотрел в спину удаляющемуся парню, пожал плечами и захлопнул дверь.

– Ну как? – спросила Дилан.

– Порядок, – ответил Тристан. – Куда теперь?

– Отмечаться. – Дилан хмуро вздохнула. – Придется подниматься на лифте: класс наверху.

Тесный лифт трясло всю дорогу наверх. Дилан еле дотерпела, пока он, стеная, целую минуту тащил их на третий этаж. Когда двери раскрылись и их с Тристаном выплюнуло в коридор, она испытала огромное облегчение.

– Нам в тот конец, – махнула она рукой в глубь коридора. – Там кабинет мисс Парсонс.

Было еще рано; регистрация начиналась через десять минут, но ей не хотелось попасть в толчею школьников, спешащих на урок. Несмотря на гипс, малейшие прикосновения к ноге причиняли ей сильную боль.

Когда они вошли, мисс Парсонс писала что-то на доске. Обернувшись с раздраженным видом, она слегка подвинула парты в первом ряду, давая Тристану протолкнуть коляску. Это означало, что теперь всем ученикам придется проходить в класс мимо них с Дилан.

Они окидывали взглядом очертания коляски Дилан; с любопытством смотрели на белоснежный гипс, выдававшийся в проход. Некоторые сочувственно улыбнулись, но большинство просто таращилось. А потом обращали внимание на новичка, что сидел с ней рядом.

Дилан пыталась представить, каким они видят Тристана. Высокий, широкоплечий, он казался слишком взрослым для десятого класса. Так оно и было: он был старше одноклассников на пару столетий, но так как формального образования он не получил, было неважно, с какого класса ему начать. Он, игнорируя все более явные намеки Джоан, отказался состричь светлые космы, которые падали ему на глаза. На нем была школьная форма: черные брюки, белая рубашка и зеленый с красным галстук.

Дилан никак не могла решить: Тристан выглядит нелепо или роскошно? Судя по взглядам одноклассниц, скорее второе. Одного его присутствия было достаточно, чтобы подчеркнуть, какие мальчишки в их классе по сравнению с ним были низкорослые, незрелые и бестолковые. С задних рядов раздавался ропот: мужская половина класса это тоже поняла.

– А кто он вообще такой?

– Двоюродный брат Дилан.

– Посмотри, как повязан галстук! Совсем как мой папаша. Маменькин сынок.

Тристан до этого момента игнорировал громкие перешептывания, но тут обернулся назад.

– Не обращай внимания, – тихо сказала Дилан. – Это Дейв Макмиллан. Он полный идиот.

Тристан ничего не сказал, ее друг продолжал в упор смотреть на Макмиллана. Дилан поморщилась, предполагая, что может произойти. Да, так и есть: не прошло и минуты, как заскрипел стул и Макмиллан поднялся на ноги.

– И что пялимся, а? Тристан. – Дилан протянула руку, словно уговаривая Тристана не вставать, но тот, похоже, и не думал подниматься.

Он все так же упорно и бесстрастно смотрел на Дейва. Дилан поникла. Теперь Дейв точно подойдет к ним и станет нарываться на драку. Однако этого не произошло. Мисс Парсонс рявкнула ему: «Дэвид, сядь!» – и он послушался.

Недоуменно подняв брови, Дилан осторожно оглянулась. Мальчишки на заднем ряду избегали смотреть на нее с Тристаном. Дилан быстро развернулась обратно и расплылась в торжествующей ухмылке.

Они боялись Тристана.

Жаль, что на девочек он действовал иначе.

Его душил тесный галстук. Тристан сидел рядом с Дилан и из последних сил старался не сорвать с шеи эту удавку. Шел урок истории.

Как же все нелепо… Вот все это. Что он вынужден притворяться ребенком, таким же, как недоразвитые идиоты кругом. Он уже пережил урок французского, но история была еще хуже: учитель переврал ход сражения при Каллодене. Сам Тристан в нем не участвовал, но слышал пересказ из первых уст: ему рассказал про битву тринадцатилетний мальчишка, поплатившийся за участие жизнью.

Тристан попытался шепотом сообщить об этом Дилан, пока они писали ответы на дурацкие вопросы проверочной работы, но она его одернула.

– Пиши то, что говорил учитель, – прошипела она и обернулась, чтобы убедиться, не подслушивают ли их.

– Но ведь все было не так, – запротестовал Тристан.

– Ну и что? – огрызнулась Дилан. – Оценки-то ставить будет он, а ему нужны именно эти ответы. В школе всё так, понял?

Он понял, но ему это не нравилось. Что за глупость: повторять за другими их ошибки, словно это непререкаемые истины. В чем смысл? Он напомнил себе, что делает это ради Дилан. Это был ее мир, и ему нужно было подстраиваться, пусть во всем этом не было никакого смысла.

По правде говоря, он был рад, что у него сложилось с обучением. До недавнего времени он не знал, умеет ли читать и писать, но когда Дилан достала книгу с

полки в своей комнате и раскрыла на случайной странице, строки сами собой сложились в осмысленные фразы. Это было то же самое, как разговаривать с душами на любом языке: ему совсем не нужно было для этого стараться.

Урок литературы понравился ему больше. Учительница начала со стихотворения, которое тронуло Тристана своей выразительностью и красотой. Однако потом эта дама все испортила: ей зачем-то понадобилось, чтобы ученики прокомментировали каждую строчку, разрубая прекрасное на части, как мясник разрубает тушу. Живое и грациозное превратилось в груду из сердца, легких, костей… холодные куски мертвой плоти.

Тристан держал свои мысли при себе: ему показалось, что Дилан нравится тихоголосая убийца поэзии.

Следующей шла математика. В чем вообще ее смысл?? Зажатый в угол креслом Дилан, не в силах больше терпеть, он схватился за галстук, который Дилан так старательно завязала ему с утра. Узел ему не поддался и каким-то непостижимым образом затянулся еще туже.

– Тристан! – Шипение Дилан вывело его из задумчивости.

Он поднял на нее взгляд. Она кивнула вперед: у доски рядом с лысеющим преподавателем стояла женщина. Бесцветные волосы, розовый шерстяной кардиган, очки в роговой оправе.

– Тристан Фрейзер? – произнесла она. По тону было заметно, что это не первая попытка.

– Это ты! – яростно прошептала Дилан.

– Знаю, – кивнул Тристан.

К своему имени он уже давно привык – Тристаном он назывался всякий раз, когда принимал мужской облик, – а вот фамилия все еще резала слух.

– Она хочет, чтобы ты пошел с ней.

– Но я не могу тебя оставить!

Без него она будет совершенно беспомощна: ей не хватало силы рук, чтобы управлять громоздкой коляской. Вдобавок теперь, когда он познакомился с некоторыми из ее одноклассников, ему еще меньше хотелось оставлять ее в одиночестве.

– Ты вернешься до того, как начнется обед, – сказала она, легонько отталкивая его.

– А если нет?

– Тристан Фрейзер!

Ему не нравилось, когда его новое имя произносили таким резким сварливым тоном. Тристан кинул на женщину внимательный взгляд. Ее это не смутило.

– Тебя вызывают в администрацию. – Она указала на него пальцем, и Тристан неохотно поднялся.

– Я подожду тебя тут, – пообещала Дилан. – Иди!

Тристан выдавил из себя улыбку и последовал за женщиной из администрации. Ему по-прежнему не хотелось покидать Дилан, но надо было играть по правилам. Здесь он школьник. Подросток. Он должен делать то, что ему говорят. Тем более что перспективы проживания у Дилан более чем шаткие. Джоан не доверяла ему. Он ей не нравился. Она хотела, чтобы он съехал. Сомнительно, что Джоан поверила в историю о «трудностях в семье». Она согласилась, чтобы он у них пожил, только потому, что кто-то должен заботиться о Дилан в ее отсутствие. Любая ошибка, любое пятнышко на его репутации – промах в школе или дома, – и он мигом вылетит на улицу. Тристан твердо решил не давать поводов избавиться от него. Однако «примерное поведение» давалось ему нелегко.

Женщина вела его по коридору. Он почувствовал, как грудную клетку сжало, словно в тисках. Когда они дошли до лестницы, невидимые тиски опустились ниже, перекручивая ему внутренности. С Дилан все будет хорошо, убеждал он

себя. Как-то же справлялась она целых три года в этом проклятом месте без него. Здесь ее не преследовали призраки; чудищ тоже не водилось. Единственную опасность представляла лишь медленная, мучительная смерть от скуки. Однако Тристан спускался все ниже по лестнице, и тревожное чувство росло. Когда они дошли до первого этажа, Тристан понял, что дело не только в беспокойстве за Дилан. Он не мог дышать. Легкие работали на пределе, но его все равно одолевало головокружение. Он брел за женщиной, слабея с каждым шагом. Когда они дошли до приемной, Тристан чувствовал себя так, будто вот-вот скончается. Он оперся на дверной косяк. Стоит ему пошевельнуться – и он рухнет на пол. Молнии острой боли пронзали ноги.

– Мне нужны контакты твоего доктора и человека, с которым мы могли бы связаться, если с тобой что-то случится.

Бодрый голос администраторши звучал так, словно ее не смущал ни поздний приход Тристана, ни его плачевное предобморочное состояние.

– Я еще не виделся с доктором, – выдавил он из себя, пытаясь сосредоточиться на разговоре сквозь пронизывающие разряды боли. – Но можете записать, что он будет тот же, что у Дилан. Моей двоюродной сестры, – добавил он. – И контактное лицо то же самое. Мама Дилан, Джоан Маккензи.

– Какой у нее номер? – спросила женщина, уткнувшись носом в бумаги и щурясь сквозь очки.

– Простите, я не запомнил. Может, у вас получится найти его в документах Дилан?

В его голосе прорывалось раздражение. Боль была невыносимой: словно органы ему сжимала, перетирая в фарш, рука в стальной перчатке. Он должен вернуться к Дилан. Сейчас же. Он умрет, если не окажется рядом с ней через секунду.

– Ну что ж. – Женщина недовольно поджала губы.

– Можно я пойду?

У Тристана едва хватило благоразумия вспомнить, что в школе положено отпрашиваться у старших. Он вцепился в дверную ручку и ждал, пока ему разрешат уйти.

Женщина со вздохом закатила глаза.

– Тебе нужно будет подписать вот тут.

– Ладно. – Он кое-как шагнул к столу, выхватив ручку у нее из пальцев – за что удостоился осуждающего взгляда – и накарябал подпись, которую они с Дилан придумали заранее. Затем поковылял прочь из кабинета.

Бежать. Он должен бежать. Он бы так и сделал, если бы ноги его слушались. Вместо этого Тристан захромал, держась за стены. Он влепился в дверь на лестницу, кое-как протолкнулся к лестнице и, схватившись за перила, стал подтягивать тело вверх по ступенькам.

С каждым шагом стихала агония, умолкала паника, пока, наконец, он не оказался у дверей кабинета математики. Тристан остановился и попытался собраться с мыслями. Задрал голову вверх, прячась от случайных взглядов, он сделал несколько глубоких вдохов. Теперь, когда боль стихла, на смену ей пришла тошнота, но по сравнению с мукой последних минут она показалась ему детским лепетом. Теперь ему нужно было увидеть Дилан; убедиться, что она не страдала так же, как он.

Однако одного взгляда на ее мертвенно-бледное лицо хватило, чтобы понять: она тоже почувствовала. И что еще хуже, у нее не получилось этого скрыть. Учитель, положив руку ей на плечо, обеспокоенно склонился над креслом. Все взгляды были устремлены на нее.

– Тристан? – Учитель заметил его и жестом подозвал ближе. – Похоже, Дилан нездоровится, но она не хочет уходить без тебя.

По облегчению на лице учителя было очевидно, что «нездоровится» – это мягко сказано. Однако за несколько секунд, пока Тристан шел через класс, краска уже успела вернуться на щеки девушки.

– Я отвезу ее домой, – сказал он, протискиваясь мимо парты, чтобы взяться за рукоятки кресла.

Ему хотелось прикоснуться к Дилан. Запустить пальцы ей в волосы, оттолкнуть руку учителя и растереть ей плечи.

– Конечно.

Математик помог им собрать вещи и с улыбкой проводил до двери. Ему явно не терпелось выпроводить их из кабинета: вдруг с Дилан что-то серьезное.

– Знаешь что, отвези ее в администрацию и позвони домой. Может, кто-то из взрослых сможет прийти вас забрать.

– Да, я так и сделаю.

Тристан не собирался идти в администрацию или у кого-то отпрашиваться, однако Дилан уговорила его по крайней мере отметиться на выходе.

Наконец он вытолкнул коляску на свежий воздух. Они с Дилан молчали, пока он вез ее по тротуарам в парк. В парке Тристан поставил кресло под углом у скамейки, чтобы они смогли сидеть, держась за руки. День был прохладный, но Тристан подозревал, что пальцы у Дилан заледенели не поэтому.

– Что случилось?

– Не знаю. – Бледность сошла с ее лица, но глаза смотрели все так же испуганно. – Как только ты ушел, я стала чувствовать себя как-то странно. Ну, как тогда, в больнице, когда меня повезли на рентген. Но в этот раз становилось все хуже и хуже… а потом полегчало. Когда ты появился в дверях, я была уже почти в порядке.

– Странно, говоришь? – переспросил он.

– Ага, странно. Сначала мне будто не хватало воздуха, и меня затошнило. А потом… Ох. Как же было больно. Будто мне опять сломали ноги, и в спине еще такое чувство… как мокрый жар. Как будто я истекаю кровью.

– Можно я посмотрю?

Тристан мягко дотронулся до нее, девушка наклонилась вперед, и он приподнял край школьного джемпера. Ему не нужно было поднимать рубашку: белая ткань вся была в алых пятнышках: сквозь пластыри просочилась кровь.

– Как в поезде, – пробормотал Тристан.

– Что?

– Похоже на твои травмы при аварии. Тебе сломало ноги и порезало спину, помнишь?

Дилан кивнула, глядя на него во все глаза.

– Но почему сейчас?

– Не знаю. – Тристан глубоко вздохнул. – Но… Я чувствовал то же самое.

Дилан разинула рот.

– Чем дальше я отходил от тебя, тем хуже мне становилось. Когда я спустился в администрацию с этой теткой, – он поморщился от воспоминаний, – я думал, что вот-вот умру.

Во взгляде Дилан был такой ужас, что он тут же пожалел о своем признании.

– Как ты думаешь, что это значит? – Она сжала его руку, словно ждала, что он ее успокоит.

Тристан не мог ее обнять – мешало кресло, – но он подвинулся, чтобы она смогла положить голову ему на плечо. Вряд ли ей было удобно, но она все равно придвинулась ближе. Наверное, ей было очень страшно.

– Думаю, это значит, что нам нельзя расставаться, – мягко проговорил он; Дилан втянула воздух, но спорить не стала. – Мое место не здесь… – продолжил он.

– Еще как здесь, – перебила его девушка. – Твое место рядом со мной.

– Да, это так. Мы с тобой должны быть вместе. – Он вздохнул со смешком. – И похоже, отныне нам лучше воспринимать эти слова буквально.

Дилан долго сидела молча, уткнувшись ему в шею.

– Ну и ладно, – сказала она наконец. – Не самое тяжелое испытание.

– Да, – согласился он. – Не самое.

5

До вечера было еще далеко, но уже смеркалось. С самого утра было облачно – под стать настроению Майкла. Пока они брели по суровым пейзажам его заснеженной пустоши, облака все больше темнели. Теперь над их головами закипала, бурля, снежная буря. Снежинки, что весь день танцевали в воздухе, превратились в колючий снег, поднявшийся ветер обжигал открытые участки кожи на руках и лица.

Сюзанна, стиснув челюсти, боролась с искушением пойти быстрее и оставить Майкла позади. Дело было не в погодных условиях – ничто материальное Майкла уже не касалось. Все эти ощущения были у него в голове. Как и многие, он подсознательно затягивал момент перехода: Сюзанна видела такое тысячи раз. Души медлили в пустоши, потому что боялись ступить в неизвестность, и поэтому не спешили. Каждый шаг требовал мужества, но таким, как Майкл, оно было недоступно. Сюзанна едва ли не предвкушала, как заставит его перешагнуть через черту. Просто толкнет, и все, и это тоже будет не впервые.

– Давай! – обернулась она к Майклу, ковылявшему следом. – Нужно побыстрее добраться до следующего убежища.

Ей не нравились перемены в погоде; не нравились глубокие тени, высасывающие свет из неба над головой. И больше всего ей не нравилось шипение, которое

никак не спутаешь с воем ветра.

– Я стараюсь, – захныкал Майкл. Он был страшно бледный – за исключением уродливого заветренного пятна, красневшего у него на носу и щеках. – Ненавижу все это. Ненавижу снег. Мне холодно!

Сюзанна равнодушно поджала губы. Ей тоже все это не нравилось, и ее так и подмывало сообщить Майклу, что он сам все это сотворил. Однако, честно говоря, объяснять было лень. Ее задача – защитить его. И довести до черты. Если это значило проявить суровость – что ж, так тому и быть.

– Нам нужно идти быстрее, – поторопила она. – Тут небезопасно.

– Небезопасно? – Майкл яростно закашлялся. – Да тут ничего нет!

Он раскинул руки в широком жесте: снег, снег, один снег да мерзкое серое небо сверху. Бесконечную белизну разбавляли лишь пара узловатых деревьев и черные скалы, выметенные ветрами. Пустошь казалась абсолютно необитаемой.

Однако Сюзанна знала, что это иллюзия.

– Мы здесь не одни.

В этот момент ветер стих. Словно по команде, призраки, весь день тихо и угрожающе стонавшие в отдалении, решили разразиться оглушающим ревом. Раздались громогласный вой, рычание, грохот. Сюзанна не думала, что такое возможно, а Майкл умудрился побледнеть еще сильнее: его словно вымочили в хлорке, лишь нос краснел ярче прежнего.

– Что это?

– Тебе лучше не знать.

Призраки снова запели, и с такой вдохновенной кровожадностью, что Сюзанна почувствовала, как волоски у нее на теле встают дыбом. Не говоря ни слова, Майкл рванул вперед, с каждым шагом ноги его погружались все глубже в снег.

Сюзанна последовала за ним. Однако ее облегчение длилось недолго: убежище все не показывалось на виду. Ни на следующем холме, ни на том, что был за ним. Путь предстоял еще долгий, а призраки, похоже, уже настроились на охоту. Они проголодались и явно предвкушали пир. Сюзанна подняла взгляд к небесам: тучи становились все темнее, им предстояло сражение – и что-то ей подсказывало: боец из Майкла никакой.

Шумно выдохнув, Сюзанна устремила взгляд вдаль. На секунду она позволила пелене спасть, и пустошь предстала такой, какой она была на самом деле: раскаленные, кроваво-красные холмы. Тысячи душ пересекают пространство, ведомые проводниками. Целая армия проводников – но Тристана среди них по-прежнему не было.

Сюзанна почувствовала себя одинокой. Без Тристана ее мир изменился. Глупо выискивать его – кто, будучи в здравом уме, станет возвращаться сюда, после того как сбежал? Она не винила Тристана, однако его очень, очень не хватало.

Сморгнув, она вернулась к заснеженной пустыне. Не успела она открыть глаза, как в лицо задул резкий ветер. Надо возвращаться к работе. Надо сосредоточиться.

Припустив трусцой, она догнала Майкла, крепко схватила за руку и поволокла за собой. Надежды не было никакой, но работа есть работа. Если они не смогут убежать от монстров, что преследуют их, истекая слюной, то ей придется самой от них отбиваться. Она и не надеялась выиграть битву с созданиями, которых невозможно убить.

Они с Майклом взобрались на следующий холм. Майкл остановился, тяжело дыша и явно рассчитывая на короткий отдых, но Сюзанна знала, что останавливаться нельзя.

– Давай пошли. Тут недалеко.

«Тут» было далеко, но сообщать ему об этом незачем. Кто знает, может, он от таких вестей совсем падет духом. А место для этого было совсем неподходящее: открытое пространство, где призраки будут нападать со всех сторон.

Они зашагали вниз по склону, разбрасывая ногами фонтанчики снега. Сюзанна шла позади, удерживая Майкла за ворот куртки: так она могла и подталкивать его вперед и, если что, удержать от падения. Но все же удержать не получилось: вскоре он упал как подкошенный. Одна нога провалилась по бедро в снег, а другая подогнулась, не в силах удержать его вес. Сюзанна почувствовала, как ткань в ее руках рвется, дернулась вперед, но было поздно: он уже кубарем катился вниз, извиваясь, размахивая руками, – да так быстро, что она потеряла всякую надежду его догнать.

– Майкл! – закричала она, пускаясь вслед со всей скоростью, на какую была способна.

Он лежал метрах в двадцати вниз по склону, уткнувшись лицом в снег и не шевелясь.

– Майкл!

Ему нужно встать. Прямо сейчас. Если он продолжит валяться, то станет легкой добычей…

Не успела Сюзанна додумать эту мысль, как снег вокруг ее подопечного стал сочиться мерзкой чернотой. Над обледенелой землей заклубились витки дыма, собираясь в тени. Тени, облаченные в лохмотья; тени, разевающие пасть в рыках и воплях. Призраки.

– Майкл, поднимайся!

На сей раз он резко дернулся, приподнял голову, но даже не попытался встать или защититься. Окаменев, наблюдал за демонами, что кружились над ним, с шипением подступая все ближе.

Сюзанне было до него рукой подать. Десять метров. Пять. Три.

Она была так близко, что могла разглядеть выражение безграничного ужаса у него на лице. Он по-прежнему не двигался. Легкая добыча для призраков. Те похохатывали, радуясь такой удаче.

– Нет!

Собравшись с духом, Сюзанна сделала бросок вперед и накрыла тело Майкла своим.

Призраки ринулись на них, выбивая воздух у нее из легких. Они когтями рвали на ней одежду, кожу. Сюзанна закричала, чувствуя, как плечи, бедра и ноги горят от боли, но все равно осталась с Майклом.

Придерживая его одной рукой, другой она стала отбиваться, отрывая призрака от ноги. Из глубоких царапин брызнула кровь, пятная девственный снег. Почуяв железный запах крови, призраки совсем взбесились. Они знали, что проводников есть нельзя, но это было неважно: причинять боль им нравилось не меньше. Тот, которого Сюзанна оторвала от своей ноги, снова присосался, пока она пыталась отделаться от парочки, что терзала ей плечи, пытаясь добраться до горла.

Руки у нее задеревенели от холода; на мокрых пальцах таял снег. Под ней взвизгивал и причитал Майкл – зато призраки не могли до него добраться. В их злобном вое слышалось разочарование; они с удвоенной силой принялись царапать и кусать Сюзанну. Стиснув зубы и зажмурившись, она пыталась не обращать внимания на боль. Что бы ни случилось, нельзя отпускать Майкла. Его душа была важнее всего остального: ее жизни, ее боли. Она повторяла это про себя, пока один из призраков пробирался под тяжелую куртку и запускал когти ей в бок, разрезая плоть, словно теплое масло. Ты не умрешь, напоминала она себе. Все будет хорошо. Просто дыши.

Призраки сменили тактику: больше уже не пытались пробраться к душе, которую так вожделели, сквозь тело Сюзанны, они вцепились в куртку – в плечи, капюшон, спину – и потянули.

Сюзанна отлетела назад и вверх, кувыркаясь вверх тормашками. Призраки тащили ее извивающееся, отбивающееся тело, пока Майкл не превратился в темный неподвижный сгусток далеко внизу. Темный, неподвижный сгусток.

А потом они ринулись вниз, толкая ее перед собой.

Земля со страшной скоростью понеслась навстречу, так быстро, что она едва успела закрыть глаза и сделать судорожный вдох, прежде чем ее швырнуло

глубоко в снег. Снежная пена взвилась у нее над головой и опустилась тяжелой волной. Окружила ее белоснежной тюрьмой.

Сюзанна пыталась выбраться, но белоснежные стены темницы обтекали ее, как вода. Ее на секунду охватила бессильная ярость, а потом она поняла, что осталась в одиночестве. Призраки оставили ее в покое. Почему же?

Через пару мгновений она получила ответ. Раздался крик Майкла.

6

– Я тут подумал, – внезапно сказал Тристан, поднимая голову от книги про природу.

Она была раскрыта на странице про южноамериканские джунгли – через них ему больше всего нравилось проводить души.

Они с Дилан сидели в библиотеке, наслаждаясь «окном» между уроками: у класса была физкультура, куда, по понятным причинам, Дилан пойти не могла.

– А?

– Я думаю, нам нужно поставить опыт.

– Опыт? – Дилан непонимающе уставилась на него.

– Нужно понять, как далеко мы можем отходить друг от друга, прежде чем не начнем…

– Не начнем умирать?

– Да, именно.

Дилан обдумала его предложение. Звучало вроде разумно, но она не могла отделаться от одной мысли.

– Ты хочешь от меня уйти?

Она пыталась придать голосу шутливый тон, но затея с треском провалилась. Накануне ей совсем не спалось: ворочалась с боку на бок, насколько позволяла загипсованная нога. Кость болела всю ночь, но Тристан не разрешал ей принять больше положенной дозы обезболивающего. И теперь у нее в голосе ясно звучал холод. Тристан, видимо, расслышал его: он подскочил и уселся на край стола Дилан.

– Нет. – Он потянул ее за собранные в хвост волосы – потянул чуть сильнее обычного. – Дело совсем не в этом. Как ты вообще такое подумала?

Он подождал, но Дилан в ответ лишь смущенно пожала плечами. Она скорее умрет, чем выдаст свои мысли.

Тристан продолжил:

– Просто нужно разобраться, как обстоят дела. – Его рот растянулся в широкой улыбке. – Как далеко друг от друга мы можем находиться. Сама подумай: разве тебе хочется провожать меня в туалет каждый раз, когда до него больше десяти метров? А как насчет школьных раздевалок?

– Вообще-то, – хрипло ответила Дилан, изо всех сил стараясь проглотить гадкие чувства, – идея с раздевалкой не так уж и плоха.

В ответ он игриво пихнул ее, а потом его теплая рука опустилась ей на затылок.

– Рано или поздно ты захочешь независимости, – сказал он. – Вряд ли тебе понравится, если я буду рядом каждую секунду. Так что нам нужно выяснить, как далеко ты сможешь от меня отойти. Или я от тебя. Ага?

Дилан знала, что он прав. Ей не хотелось вспоминать то, что случилось вчера на математике, – заново ощутить, что она умирает. Ей еще хотелось пожить – и чем дольше, тем лучше.

– Ладно, – сдалась она.

– У тебя есть рация? – неожиданно спросил Тристан

– Что?

– Рация.

– Нет. – Дилан шутливо приподняла бровь. – Мне же не десять лет. И я не мальчишка. А зачем тебе рация?

– Чтобы мы могли переговариваться. Отслеживать, как себя чувствуем. Как только нам поплохеет, мы остановимся.

Хм, звучало логично.

– В двадцать первом веке нам пришлось заменить рации мобильниками. – Дилан рассмеялась. – И с мобильниками мы не будем выглядеть как последние идиоты.

На сей раз он так дернул ее за хвост, что она тихо взвизгнула.

Тристан отвез Дилан к стеллажам с энциклопедиями, которые никто никогда не брал. Только там пронзительный взгляд библиотекаря не разглядит, что они достают запрещенные мобильные телефоны. Джоан буквально на днях подарила дочери новый взамен того, что она потеряла в поезде; Тристану же досталась устаревшая дешевая модель, которую Дилан раскопала дома в каком-то ящике.

– Позвони мне, – сказал Тристан. – Посмотрим, как далеко мы сможем разойтись.

– Около пяти метров, – огрызнулась Дилан.

Она сделала глубокий вдох, пытаясь справиться с подступившим раздражением. Несмотря на успокоительные речи Тристана, она чувствовала сильную слабость. Ей совсем не улыбалось снова проходить сквозь мучения, которые причиняло отсутствие Тристана.

– Не бойся, ангел, – сказал он, присев на корточки рядом с ней. Взял ее руку в свои и пробежал кончиками пальцев по ладони.

Этого ничтожного жеста оказалось достаточно.

– Ладно, – неохотно проговорила она. – Давай уже побыстрее с этим разделаемся.

В ответ он чмокнул ее в губы и выпрямился. Легонько постучал пальцем по корпусу ее телефона.

– Скажи, если мне надо будет остановиться.

Он попятился прочь, не отводя взгляда от ее лица.

Поначалу Дилан ничего не чувствовала, кроме смущения от того, что сидит тут как дура. Тристан отходил все дальше и вот уже оказался у конца стеллажа.

– Ты как?

Она заговорила громче – насколько это было возможно в библиотеке:

– Нормально. А ты?

– И я нормально.

Он отошел еще дальше и уперся спиной в двойные двери библиотеки. Из-за высоких полок Дилан почти не видела его. Он встал на цыпочки и вопросительно приподнял брови – она улыбнулась. Пожала плечами. Ей было… все еще нормально. Небольшой дискомфорт в груди – но это, наверное, просто нервы.

Но, разумеется, стоило Тристану ступить за порог, как ее накрыло волной тошноты и паники. Нога заболела сильнее; полузажившие ссадины на спине начали гореть. Трясущимися пальцами она пролистала список контактов и вжала большой палец в имя Тристана.

– Мне паршиво, – сообщила она, как только Тристан ответил. – В груди сдавило и тошнит.

– А нога как?

– Ну так… побаливает.

Ей хотелось попросить его остановиться, но она сдержалась. Им правда нужно было проверить границы.

– Ты сейчас где?

– Вот буквально стою за дверью библиотеки.

– Ох. – Дилан прикусила губу. – Я думала, ты ушел дальше.

– Неа. – Сквозь голос в трубке сочилось разочарование.

– Попробуй отойти подальше.

Пауза.

– Ты уверена?

– Да.

Нет, она была не уверена.

– Да, Тристан, давай.

– Я только до конца коридора.

Подошвы его школьных ботинок стучали по полу все тише и тише. Он все еще рядом, говорила она себе. Ты же слышишь его. Ты знаешь, где он.

Однако это не помогло: грудь ей сдавливало все сильнее, дышать стало почти невозможно. В висках застучало; подвело судорогой живот. Но она кое-как справлялась. Что было невыносимо – так это чувство, что она снова в вагоне поезда. Кости в ноге гнулись и трещали; кожа на бедре и спине надрывалась, обнажая плоть. Дилан ощутила такую слабость, что готова была упасть в обморок. С каждым шагом Тристана из нее утекала жизненная сила.

– Слишком далеко, – выдохнула она. – Вернись.

– Дилан? – проскрипел из трубки его голос. – Как ты?

Пауза.

– Я… мне кажется, дальше не надо.

Он сглотнул – в трубке раздался резкий щелчок.

– Вернись, – повторила она.

– Хорошо, – пообещал он. – Но давай… давай подождем пару секунд. Может, станет легче.

Дилан сосредоточилась на дыхании. Это все не по-настоящему, говорила она себе. Это просто воображение. Ничего не происходит. Однако это не помогло: боль только усилилась. Дилан забеспокоилась: у нее сильно закружилась голова, помутнело в глазах.

– Я не могу, Тристан. – Она вцепилась в гипс, который все крепче сжимал ей ногу. – Ой, как больно.

– Пару секунд? – повторил Тристан.

– Мне кажется, я сейчас упаду в обморок, – прошептала она в телефон.

– Дилан? Ангел мой? – В его голосе слышалась паника. – Иду.

Глухие звуки вернули Дилан в сознание: Тристан бежал обратно. У нее онемела рука; голову было не поднять. Внезапно из динамика раздался незнакомый голос:

– Эй, а ну не бегать!

Томсон. Только их старый ворчливый завуч способен на такой рев. Однако Дилан услышала, что Тристан не замедлил бега. Очень, очень плохая идея.

– Я сказал, остановись!

Томсон может оставить Тристана на отработку после уроков и, таким образом, разлучить с ней. И эта разлука будет длиться куда дольше, чем их небольшой эксперимент.

– Тристан, остановись, – прошептала она в трубку.

Она слышала, как Тристан разъяренно что-то проворчал, останавливаясь. Приглушенное «Простите, сэр». Наверное, положил телефон в карман.

– Куда спешим?

– Я оставил кузину в библиотеке… Она в инвалидной коляске. Не может передвигаться сама.

– Дилан Маккензи? Что такого может случиться с ней в библиотеке?

Долгая пауза.

– Лавина из книг.

Несмотря на удушающее сочетание паники, тошноты и боли, Дилан хрюкнула от смеха, не успев зажать рот ладонью.

– Что, думаешь, шибко остроумный?

Дилан и правда так считала. К несчастью, мистер Томсон был лишен чувства юмора.

– Нет, сэр, не думаю.

Правильный ответ.

Тишина. Раз Миссисипи, два Миссисипи, три Миссисипи…

– А ну пошел с глаз моих!

Шаги сделались тише и быстрее. Они уже у библиотечных дверей.

Тристан возвращается к ней. Дилан выпрямилась, пытаясь прийти в себя. Ей по-прежнему было худо, но боль стихала. Еще несколько секунд – и он появится…

Она быстро заморгала, пытаясь сфокусировать взгляд.

– Тристан!

Девчоночий голос. До боли знакомый.

Голос звучал глухо: видимо, телефон все еще был у Тристана в кармане. Она не расслышала его ответ; затем снова заговорила девчонка. Шерил.

– У тебя что, «окно»?

Приторный тон Шерил, видимо, должен был звучать соблазнительно, но Дилан с большей охотой послушала бы скрежет ногтей по стеклу.

– Стеф, помнишь, я рассказывала тебе про Тристана?

– Привет, Тристан.

Стефани Кларк. Прославилась своими похождениями в школьной подсобке, а еще тем, что была тупее Шерил Макнелли, что само по себе впечатляло.

– Знаешь, – продолжила Шерил, – мы ведь впервые видим тебя без кузины.

Она как-то слишком уж подчеркнула слово «кузина». Дилан это не понравилось. Почему они с мамой сочинили такую дурацкую историю?

– Да, мы очень близки, – тихо и словно обороняясь ответил Тристан.

Это несколько утешило Дилан.

– Она к тому же еще и инвалидка, – добавила Шерил. – Тебе, наверное, до смерти надоело толкать ее кресло?

– Да нет, – кратко отозвался Тристан. – Слушай, мне надо идти…

– Подожди!

Да пошли они! Дилан сама к ним подъедет. Пусть Шерил убедится, какая она инвалидка, когда кресло врежется ей в ноги.

Отключив телефон – она и без него уже слышала голоса, – Дилан схватилась за колеса и стала толкать кресло к выходу. Оно не поддавалось. Заскрежетав зубами, Дилан переменила положение рук и попробовала снова.

– Какие планы на после уроков?

Она что, собирается позвать его на свидание? Дилан толкала изо всей силы. Наконец кресло поехало, но маневрировать Дилан совсем не умела. Похоже, она двигалась прямиком к стенду с автобиографиями.

Дилан приналегла на левое колесо, пытаясь выровнять траекторию, но задела загипсованной ногой «Жизнь Черчилля» в твердом переплете. Ногу пронзила резкая боль. Несколько секунд она сидела, пытаясь отдышаться, и невольно прислушивалась к болтовне девчонок с Тристаном.

– Но тебе необязательно сидеть дома только потому, что она…

– Да, необязательно.

Он что, злился?

– Я остаюсь с ней не потому, что так надо, а потому, что мне так хочется.

– По субботам у меня собираются одноклассники, – начала Шерил. – Может, зайдешь?

Молчание. Видимо, он размышлял над предложением. Если бы не пульсирующая боль в ноге, Дилан прямо сейчас поднялась бы с кресла, прошагала к дверям и врезала Шерил как следует. А может, и Стеф тоже.

– Я спрошу у Дилан, захочет ли она пойти.

Яростное пламя в груди Дилан немного поутихло. Самую малость.

– Ну… Это… – Шерил замялась, подыскивая слова. – С ее креслом и ногой… и вот этим всем… думаю, ей не захочется…

Тут Шерил замолчала, и Дилан точно знала, как Тристан этого добился. Ей было хорошо знакомо выражение его лица, когда он хотел пресечь любые попытки разговоров в пустоши.

– Если Дилан не пойдет, то и я тоже, – холодно отрезал он.

Через несколько секунд Тристан появился у книжных полок. Лицо у него было раздраженное – и обеспокоенное.

– Ты как?

Он упал рядом с ней на колени и обхватил ее лицо ладонями, заставляя взглянуть на него. Дилан совсем этого не хотелось. Она вся кипела от злости. Ей хотелось найти Шерил со Стеф и заставить их страдать. И Тристана тоже. Она знала, что это несправедливо, но в данный момент справедливость ее не интересовала.

– Все в порядке, – пробормотала она, пытаясь не выдать своего негодования. Помедлив, все же честно ответила на вопрос Тристана: – Боль… Сначала мне казалось, что было терпимо, а потом внезапно…

– Знаю. Я сам это почувствовал. – Он качнулся вперед и прижался губами к ее губам.

– Тристан… – предостерегающе шепнула она. – Если нас увидят…

– Ну и пусть, – прошептал он в ответ. – Прости меня, Дилан. Зря я предложил этот эксперимент. Больше никогда. – Еще один поцелуй. – Обещаю.

Хотя сейчас ей хотелось этого меньше всего на свете, Дилан высвободилась из рук Тристана. Если их заметят, то вряд ли кому-то понравится, что она целует двоюродного брата.

– Нам нужно было проверить, – напомнила она и криво усмехнулась. – Один раз.

Тристан быстро улыбнулся в ответ, но лицо его оставалось задумчивым.

– Значит, оставаться на виду…

– Что?

– Пока мы остаемся друг у друга на виду, все идет хорошо.

– Но это чушь какая-то. – Дилан тряхнула головой. – Я знала, где ты. Может, дело все-таки в расстоянии?

– Может. – На лице Тристана было написано сомнение. – Но ведь нам обоим стало намного хуже.

Дилан не понимала, куда он клонит.

– Ты думаешь, это что-то психологическое?

– Отчасти.

– Но ведь дома мы друг друга не видим, и довольно часто. Да еще и каждый раз, когда кто-то из нас ходит в туалет!

– Но это твоя квартира, – напомнил ей Тристан. – Твое пространство, где все знакомо. Ты знаешь, что я точно к тебе вернусь.

– Думаешь, я боюсь, что ты сбежишь? – Дилан даже не пыталась скрыть ярость в голосе.

– Нет, – спокойно возразил Тристан. – На меня это тоже влияет, помнишь?

– Так в чем же тогда дело?

– Думаю, мы с тобой создали связь, чтобы быть вместе в материальном мире. Если каким-то образом эта связь разорвется, реальность напомнит о себе.

– Реальность, в которой я умерла. – Дилан кивнула.

То, как заново открывались ее раны, как ломалась нога… Похоже, это правда.

– Если мы видим друг друга или находимся в безопасном месте, – он положил руки ей на колени и слегка сжал, – все в порядке. Но когда один из нас пропадает из виду, связь… стремится снова свести нас вместе.

Дилан в тишине размышляла над его словами.

– Но это ведь догадки, да? – сказала она наконец. – Ты ведь не знаешь наверняка?

– Да, не знаю, – согласился он. – Раньше такого не случалось.

– Так это… – Дилан выдавила из себя смешок, хотя ей было невесело. – Теперь ты навеки застрял со мной.

Это была шутка, но она все равно впилась взглядом в Тристана, наблюдая за его реакцией. Если он поморщится, если она увидит хотя бы тень у него в глазах, то… она не знала, что сделает тогда. Ей была невыносима мысль о том, что он привязан к ней силой необходимости, а не собственным желанием. Не любовью.

Однако Тристан улыбнулся, и глаза у него засияли. Он склонился вперед, чтобы снова ее поцеловать.

– Какая восхитительная новость.

7

Майкл был мертв. Сюзанне полагалось по этому поводу испытывать хоть какие-то чувства, и она внимательно прислушалась к себе. Может, хоть отголосок печали найдет? Однако она чувствовала лишь усталость. Холод и страшную усталость. Он сам во всем виноват. В конце концов, она сделала все, что было в ее силах, чтобы защитить его. Она убеждала его идти быстрее, но он не мог. Его больное тело было не способно к физической активности. Он хотел отдохнуть хотя бы минутку. А потом еще минутку. Ну что ж, он слишком долго отдыхал. Надо было слушать ее, верить тому, что она говорила. Здесь он не был болен, и его телу больше не нужен был отдых. Это его разум держался за привычную оболочку.

Они даже до долины не дошли. Может, оно и к лучшему. Сюзанна не могла представить, как бы они шли по ней в метель. Майкл ни за что бы не одолел путь через гиблое место – а если б у него и получилось, то озеро бы его доконало. И все же гордость Сюзанны была задета: они не прошли даже через «легкие уровни».

Так однажды описал процесс мальчик, которого она провожала: как уровни в видеоигре. Новички попадают на легкие участки с пологим рельефом и «злодеями», которых несложно победить. А затем, когда они научатся основам игры, их переводят на средний уровень. Там выиграть уже сложнее: такие уровни проверяют характер игрока. Если выживешь – перейдешь в разряд «экспертов». Чтобы закончить игру, нужно одолеть «большого босса» на последних уровнях. Сюзанна должна была признать, что эта метафора отлично

описывала то, что происходит в пустоши, но сравнение ей все равно не нравилось. Это была не игра. Здесь речь шла о жизни и смерти. Ну, вернее, о выживании или вымирании. Если кто-то умирал в пустоши, нельзя было просто вернуться и начать игру заново. Такой человек просто… исчезал.

Мальчику она этого, конечно, не сказала. Он болел всю свою недолгую жизнь: редкое заболевание заперло его в четырех стенах, вдали от мира со всеми его вирусами и бактериями. Компьютерные игры стали его реальностью. С материальным миром он был знаком почти так же плохо, как и Сюзанна, – и она уж постаралась, чтобы он прошел все «уровни» пустоши, включая «большого босса», чтобы очутиться за безопасной чертой.

Возможно, постарайся она как следует, Майкл бы тоже дошел.

Сюзанна со вздохом отвернулась от места, где призраки растерзали душу Майкла. Снег был весь изрыт и розовел от крови – и ее, и Майкла. Она зашагала прочь. С каждым шагом снежный покров таял, мрачные тучи расходились. На какую-то секунду мир засиял слепящей белизной – Сюзанна терпеть не могла этот цвет, – а потом стал постепенно преображаться. И вот она уже идет по узкой тропинке у реки. Вдаль простирались обширные рисовые поля, радуя глаз яркой зеленью. На холме неподалеку ютилась маленькая деревушка. Туда-то ей и надо.

Шагая, Сюзанна чувствовала, как растут ее волосы, скользя вниз по плечам, пока не спустились густой копной ей на спину. Шаги стали короче: длинные ноги тоже укоротились; стройное, как тростинка, тело раздалось в стороны. Когда облик ее окончательно изменился, она почувствовала себя неловкой, неуклюжей. Сюзанна раздраженно поджала губы. Эта новая внешность – коренастая, округлая – будет ей сильно мешать, если придется бежать или сражаться.

Дом оказался поменьше остальных: крохотное одноэтажное строение с черепичной крышей, которая слегка проседала по центру. Дверь за деревянным крыльцом, вся исцарапанная, была покрыта узором из спиралей, который так выцвел, что Сюзанна едва могла его разглядеть. Было очевидно, что за домом ухаживали, но потом забросили. Цветы в аккуратных клумбах отчаянно сражались с сорняками; камни на дорожке к дому поросли травой.

Внутри воздух пах благовониями: слишком густой, пьянящий запах для такого маленького помещения. В нише по центру коридора стояли маленькая статуя Будды (круглое пузо, глаза улыбаются) и керамическая подставка с ароматическими палочками. За дальней дверью спальни было темно, несмотря на теплый солнечный свет, что лился снаружи.

Пройдя в спальню, Сюзанна уставилась на фигурку, лежащую в кровати, затем обошла округлое деревянное изножье и раскрыла занавески. Снаружи материальный мир незаметно переходил в пустошь. Сама она стояла в пустоши – занавески у нее в руке были частью воображения женщины – мир за стеклом был реальным. И таким, таким близким.

Небольшое окно пропускало достаточно света, чтобы было видно бледно-желтые обои на стенах и покрывало в нежных цветочных узорах на кровати.

– Моя Лиан больше не приходит меня навестить, – раздался тихий журчащий голос, и Сюзанна подпрыгнула от неожиданности.

Взгляд ее остановился на лице женщины, что лежала в кровати. Зинг Ё Ю. Старушка успела проснуться и наблюдала за Сюзанной спокойными карими глазами.

– Но я же здесь, бабушка. – Сюзанна улыбнулась, разыгрывая отведенную ей роль.

– Да, ты здесь, – сказала старушка, усаживаясь с тихим стоном. – Но ты не она.

– Бабушка? – Сюзанна очаровательно нахмурилась, затем улыбнулась в наигранном замешательстве.

Она была точной копией внучки Ё Ю, до последней черточки. Даже цвет глаз совпадал в точности, в этом она была уверена.

– Не лги мне, – осадила ее старушка. – Думаешь, я бы не узнала Смерть, встретившись с ней?

Сюзанна ошеломленно молчала.

– Ты ведь хочешь, чтобы я последовала за тобой?

С кровати спустились ноги – тонкие, как птичьи лапки. Хрупкая рука протянулась к халату, что висел в изножье.

– Да, бабушка, – снова попыталась Сюзанна. – Я пришла вывести тебя на прогулку. Такой чудесный день…

– Не называй меня бабушкой! – резко прервала ее старушка, окидывая пронзительным взглядом. – Ты не моя Лиан.

Она внимательно осмотрела Сюзанну, и взгляд ее смягчился.

– Я уже сказала, что она больше меня не навещает. Ей слишком грустно меня видеть. Да и мне самой, наверно. – Она вздохнула. – Но я рада, что Смерть пришла ко мне со знакомым лицом. Ты дашь мне время одеться?

Сюзанна молча кивнула.

Вскоре они вышли за дверь. На Ё Ю – так она приказала Сюзанне называть себя – были удобные туристические ботинки, простая туника и крепкие штаны, выкрашенные в кроваво-алый. На улице было слишком жарко для темно-зеленой куртки с шерстяной подкладкой, которую она тоже взяла с собой, но Сюзанна ничего не сказала: ей было известно, как стремительно может измениться погода в пустоши. Небольшая перемена в настроении Ё Ю – и их ждут суровые ветра и проливной дождь.

Однако когда они зашагали по тропинке, по-прежнему светило солнце. Ё Ю остановилась и глубоко вдохнула летний воздух, задрав морщинистое лицо к яркому солнцу.

– Эмфизема, – тихо пояснила она. – Как хорошо вздохнуть полной грудью впервые за… – Она покачала головой. – Да уж и не помню, за сколько.

Уперев руки в бока, она уставилась перед собой, и Сюзанна тоже посмотрела вперед. На сельской улице было спокойно, но там все равно царила жизнь. Старик в саду склонился, поднимая мотыгу; в их сторону неспешно шла молодая

пара с ребенком в коляске.

– Я буду скучать по этому месту, – тихо сказала Ё Ю. – Я провела тут всю жизнь.

– Может, ты снова его увидишь, – предположила Сюзанна.

– Тебе это неизвестно? – спросила Ё Ю, вопросительно приподняв бровь.

– Нет, – честно ответила она. – Я всего лишь твоя провожатая на пути.

– Хммм, – только и промычала Ё Ю. Затем, бросив долгий прощальный взгляд, повернулась к Сюзанне: – Ну что ж, веди, провожатая.

Они пошли к дороге. Ё Ю словно не заметила, что старик не ответил на ее приветствие, а парочка не улыбнулась в ответ. Они были настоящими; они находились в деревне – а Ё Ю уже нет. Она потихоньку, шаг за шагом, уходила куда-то из мира живых.

Они вышли за пределы деревни, и дорога незаметно превратилась в первый участок пустоши. Совсем рядом был реальный мир, но до него уже не дотянуться – как такое возможно, Сюзанна понимала с трудом, а ведь она водила души уже… она точно не знала, как долго, но ей казалось, что целую вечность. Реальный мир был совсем рядом, только руку протяни – и вот он.

Охваченная этой мыслью, Сюзанна сделала нечто такое, чего никогда прежде и не пыталась. Когда они проходили мимо парочки, молодые люди обсуждали, как жаль, что любимый сад Ё Ю пришел в такое запустение. Сюзанна выставила руку вперед. Она провела пальцами по воздуху, почти касаясь руки женщины, и мягко дотронулась до мягкого кашемира кофты лимонного цвета, в которую была облачена молодая мать. Ничего. Несмотря на то что Сюзанна всей душой, всем сердцем пыталась нащупать ткань, она ничего не почувствовала. Завеса между пустошью и миром живых могла быть тоньше паутинки, но прорвать ее было невозможно.

– Ты отметила женщину печатью смерти? – негромко спросила Ё Ю.

Юные родители шагали мимо, ни о чем не подозревая.

– Нет, – честно ответила Сюзанна. – Я не смогла ее коснуться.

Она изо всех сил пыталась скрыть горькое разочарование в голосе. Как Тристану это удалось? Как?

Если у него получилось, может, и она сможет? И может, она снова окажется с ним рядом.

8

Характер у Дилан был обидчивый. Она могла это отрицать, когда ее корила Джоан, но в глубине души знала, что это правда. Она изо всех сил старалась, чтобы злость и раздражение не прорывались наружу в ее разговорах с Тристаном, но это давалось нелегко. Вместо того чтобы заявить о своих чувствах, она часто держала их в себе.

И дулась.

На сей раз обида начала стихать лишь вечером, когда они устроились на диване с подогретыми полуфабрикатами на коленях (Джоан ушла в ночную смену, а Дилан была в полном бешенстве и не хотела готовить).

– Ты хочешь пойти на эту вечеринку? – равнодушно спросила она, с излишней энергичностью втыкая вилку в кусок курицы.

– Что? – Тристан оторвался от новостей по телевизору – он просто обожал смотреть новости – и непонимающе уставился на нее.

Дилан заполнила рот тушеными овощами, чтобы собраться с духом для второй попытки. Наконец выдавила из себя:

– Вечеринка у Шерил. Ты хочешь пойти?

Тристан продолжал внимательно смотреть на нее, словно пытаясь догадаться, что она сама думает по этому поводу. Дилан усердно пыталась сохранить безразличное выражение на лице.

– А ты хочешь? – спросил он наконец.

– Да мне все равно.

Лгунья!

– Если хочешь, давай пойдем.

Тристан вернулся к еде, переводя взгляд с тарелки на экран и обратно. Через шестьдесят долгих секунд он наконец заговорил:

– У меня нет ни малейшего желания проводить с ними время, но они твои друзья, так что…

– Они мне не друзья, и ты сам это знаешь! – быстро ответила Дилан.

Теперь, когда она уже призналась, не было смысла скрывать истинные чувства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/makfoll_kler/narushiteli

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить